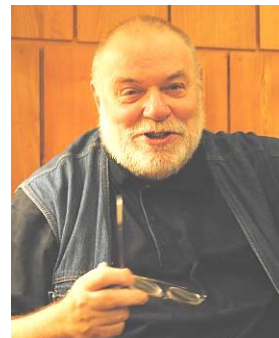

УДК 141

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

1. Юный офицер Дмитрий Брянчанинов впервые встретил о. Леонида – будущего старца Льва Оптинского – на подворье Валаамского монастыря в Санкт-Петербурге. Притяжение этой личности оказалось неодолимым. Всё пошло побоку: диплом престижнейшего Военного инженерного училища – успешное начало службы в Динабургской крепости – блестящая карьерная перспектива.

Игнатий Брянчанинов (Гайдук, 2012).

Не сразу Николай I удовлетворит прошение об отставке. И всё же пойдёт навстречу духовному порыву своего любимца.

Спустя много лет – 24 декабря 1863 года – в дневнике епископа Игнатия Брянчанинова, удалившегося на покой в Николо-Бабаевский монастырь, появится такая запись: «*Сейчас должна быть у меня всенощная. В эти часы, в 1827 году, я прибыл в Александро-Свирский монастырь на жительство, прямо из офицерского мундира*» (Соколов, 2003. С. 215).

Незабвенное! Священное для сердца!
Первичное – исходное – начальное!

Назвать это своего рода *импринтингом*? Наисильнейшим *впечатлением бытия*, направляющим всю дальнейшую жизнь?

Северная обитель поставила молодого послушника на крыло. Здесь он стал восприемником великой традиции.

Святая гора Афон – Паисий Величковский – Феодор Свирский – о. Леонид – Игнатий Брянчанинов: по этой прямой линии – от лица к лицу – передавался бесценный исихастский опыт.

Шло восстановления *умного делания* на Руси. Александро-Свирский монастырь сыграл в этом процессе ключевую роль.

Александр Свирский в житии. Середина XVI в. Музей «Московский Кремль».

2. Неисповедимы пути Господни. Думая о судьбе святителя Игнатия, неизбежно ставишь два вопроса:

– Почему он так быстро оставил полюбившуюся ему обитель?

– Если причиной тому являлась крепчайшая духовная связь с о. Леонидом, то отчего тогда ученик не последовал сразу вслед за учителем из Площанской пустыни в Оптину – а потом, околично всё же дойдя до неё, не остался в ней?

На первый вопрос отвечает Михаил Васильевич Чихачёв, друг святителя: решение было принято

«после видения, бывшего от Св. Александра Свирского, который сам отвёл Дмитрия Александровича за руку от раки своих мощей, как бы возвещая ему волю Божию оставить это место» (Соколов, 2003. С. 81).

Промыслительное водительство! Нетрудно представить Дмитрия Брянчанинова в кругу оптинских старцев. Быть может, он носил бы другое монашеское имя – привычное нам получил 28 июня 1831 года, когда был пострижен епископом Вологодским Стефаном. *Старцы* в монастырях – и *настоятели* монастырей: как показывает история русского иночества, определённые диссонансы между ними имеют тенденцию воспроизводиться.

Никак нельзя сказать, что Лев Оптинский, прославивший обитель, всегда находил там полное понимание. Холодно приняла Оптина молодого Дмитрия Брянчанинова. Тем не менее, влечение к ней было огромным – в глазах святителя это был лучший монастырь России. Здесь он намеревался окончить свои земные дни. Этим серьёзно озаботился летом 1856 г. Была предварительная договорённость. Даже 200 рублей за годя перечислил на ремонт келлии. Однако в конечном итоге – по словам Леонида Соколова – начальство Оптиной *«устрашилось принять в свою среду»* именитого архимандрита (Соколов, 2003. С. 186).

Заметим, что схожая коллизия привела к тому, что о. Феодор и о. Леонид вынуждены были в 1817 г. оставить Валаам, направив свои стопы к Александру Свирскому. Там о. Феодор почил в 1822 г. Прибывший сюда через пять лет Дмитрий Брянчанинов – стараниями о. Леонида – приобщился к духовному наследию старца. В Александро-Свирском монастыре было начато, а в Площанской пустыне закончено *«Житие схимонаха Феодора»* – первое произведение Дмитрия Брянчанинова. Автору шёл 22-й год.

3. В ретроспективе понятна провиденциальность случившегося: афонская ветвь в 1828 г. дала развил – один побег потянулся в Оптину пустынь (о. Леонид), а другой –

в направлении Северной Фиваиды (Дмитрий Брянчанинов). В четырёх её монастырях будущий святитель углублял навык *умной молитвы*.

Назовём эти монастыри:

1. *Кириллов Белый Новозерский монастырь*
2. *Семигородная Успенская пустынь*
3. *Глушицкий Дионисиев Монастырь*
4. *Лопотов Григориево-Пельшемский монастырь*

Первую из этих обителей некогда посетил Никифор Важеозерский – посланник Александра Свирского. Значительнейшая параллель! В последней мы застаём уже не Дмитрия, а Игнатия – здесь он рачительный игумен. Митрополит Филарет обращает на него внимание. Принимается решение: поставить Игнатия во главе Николо-Угрешского монастыря – это Москва. Начинаются сборы.

И вдруг – судьбоносное вмешательство Николая I: поручить Игнатию восстановить пришедшую в упадок Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом. Начинается самый плодотворный период в жизни святителя.

Как благочинный, он опекает следующие киновии:

1. *Валаамский Спасо-Преображенский монастырь*
2. *Введенский Островский монастырь*
3. *Коневский Рождественский монастырь*
4. *Староладожский Николаевский монастырь*
5. *Староладожский Успенский монастырь*
6. *Троицкий Зеленецкий монастырь*
7. *Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь*

Соединим два списка.

Мы видим: одна личность осеняет огромное пространство – задаёт Северной Фиваиде новый масштаб. Расширяет её! Сегодня это понятие – помимо исконной Вологодчины – охватывает и Поморье, и Колу, и Карелию, и Обонежье, и Приладожье. Перед нами – в аспекте монастырской жизни – единый ареал: духовно однородная территория, где в качестве интегрирующего начала выступает исихастская практика.

В России нет аналогий этого феномена. Особый ореол над Русским Севером зажгли ученики Сергия Радонежского. Игнатий Брянчанинов поддержал и усилил неглаголемое сияние.

4. Вот принципиальное – для нас главенствующее: в исихазме для Игнатия Брянчанинова очень и очень важен *эстетический* момент – выход через умную молитву к предвечным основам прекрасного. В «Слове о молитве Иисусовой» читаем: «*Художественное делание умной молитвы изложено с особенной ясностью и полнотой блаженным Никифором, иноком, безмолвствовавшим в святой Афонской горе. Справедливо называет он молитвенное делание художеством из художеств*» (Святитель..., 1993).

Речь идёт о Никифоре Уединённом, прямом предшественнике Григория Паламы – преподобный подвизался на Афоне во времена императора Михаила VIII. Составленное им «Слово о трезвении и хранении сердца многополезное» ставит перед безмолвником задачу «*воспринять сердечно в чувстве пренебесный огонь*» (Добротолубие, 1900. С. 239).

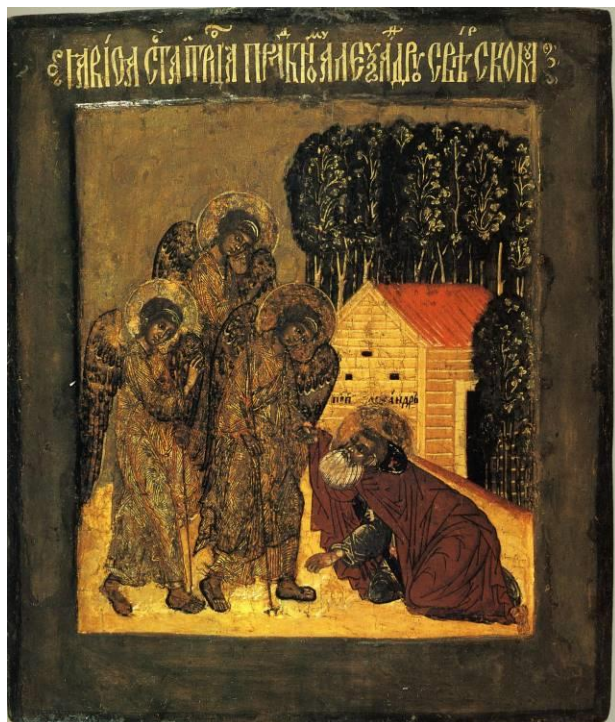
Было: *вне тебя* (освещало вечность) – стало: *в тебе* (осияло сердце). Искомая красота – цель внутреннего искусства – видится *огнезарной*. Вспомним *пламенеющие* иконы Софии. Вспомним замечательную дефиницию, которую даёт Павел Флоренский (1914): «*София есть Красота*» (с. 351).

Владимир Соловьёв – классик русской софиологии – провидит:

*И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.*

Это созвучно исихастским озарениям.

Явление Святой Троицы Александру Свирскому произошло на фоне *пренебесного огня* – точнее, в самом этом огне, охватившем и душу подвижника, и его окружение. Обнаружилась относительность – или амбивалентность – внешнего и внутреннего.

Явление Святой Троицы Александру Свирскому. XVII в. Государственный музей-заповедник "Коломенское".

Игнатий Брянчанинов цитирует Исаака Сирина: «*Постарайся войти в клеть, которая внутри тебя, и увидишь клеть небесную. Та и другая – одно: одним входом вступишь в обе. Лествица к Царству Небесному – внутри тебя: она устроена таинственно в душе твоей*» (Святитель..., 1993. С. 264-265).

Две клетки – та, что в тебе, и та, что в небе – могут совпасть. Не это ли произошло на берегу Рощенского озера?

В «Приношении современному монашеству» Игнатий Брянчанинов цитирует слова, которые Максим Капсокалитов некогда обратил к Григорию Синайскому: «*Ум человеческий, сам собою,*

не будучи соединён с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнём Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспламеняется в пламени Всесвятого Духа» (Святитель..., 1993. С. 65). Это о синергии в её максимуме.

Впрочем, для истинного исихаста тут нет градаций – он изначально ставит перед собой экстремальную цель: целокупное и совершенное воссоединение с Богом. Оно видится как своеобразное *воспламенение*.

К Александру Свирскому мы вправе отнести слова апостола Павла: «*будете духом горящие*». Вероятно, в степени этого горения святой достиг той качественной меры, когда её превозможение напоминает Преображение – становится сравнимым с Фаворской вспышкой. Теофания на Рощенском озере может быть адекватно понята только в исихастском контексте. Как тут обойтись без паламитских интенций?

В 1508 г. на реке Свирь Бог явился человеку в сполохах нетварной энергии. Это событие соотносимо не только с тем, что произошло под сенью Мамврийского дуба, но и с мистерией Фавора. В «Добротолубии» Григорий Палама сочувственно цитирует Нила Синайского: «*состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присекает и свет Святыя Троицы*» (Добротолубие, 1900. С. 277).

Исихасты задолго до той великой теофании, которой удостоился Александр Свирский, умели выходить на Святую Троицу – лицезрели её в глубинах своего духа. Конечно же, они выводили явленный им нетварный свет наружу, напитывая благодатью всю окрестность. Не зря же мы говорим о святых местах, обильно *намоленных* нашими старцами. Заряда хватит на многие поколения. Может, до скончания времён. Однако тут ещё нет качественного перехода, которым отмечен опыт Александра Свирского – когда в полноте синергии троичный Бог решительно снимает границы между эндо- и экзо-: тем, что в человеке – и тем, что вне человека.

Житие свидетельствует: Святая Троица предстала Александру Свирскому в пределах его утлой келлии. Игнорирует ли иконография эту подробность, вынося чудо на открытый простор – прямо в олонецкий лес? Скорее мастера интуитивно угадывают мнимость всех пространственных представлений в условиях чуда.

На иконе из собрания Государственного музея-заповедника "Коломенское" мы видим совершенно необычное освещение. Впечатляет не только его интенсивность, но и невозможность локализовать источник – где он? Хочется сказать: *всюден!* Или – *трансцендентен*. Однако в нашем контексте это одно и то же.

Необычная по цвету крыша келлии как бы предваряет *красные дома* русского авангарда (А.Г. Явленский, О.В. Розанова, К.С. Малевич и др.). Свет упал на крышу *извне?* Или пронизал её *изнутри?* Оригинал жития содержит эстетическую оценку события: *лепа же зило* – и свидетельствует о силе освещения: *слава небесная неисповедимая*. *Лепота* теофании – и её зашкаливающая *яркость*: это коррелирует в восприятии чуда.

5. Явление Святой Троицы Александру Свирскому было предуготовлено его огромной внутренней работой над собой. Воистину: *деялось художество из художеств!* Испытанным инструментом стала *умная молитва*. Александр Свирский совершенствовал по *законам красоты* свою личность.

Это самотворчество – казалось бы, скрытое от взгляда – разнообразно проявляется вовне. Достаточно вспомнить о том, как преображается лицо святого – оно становится своеобразной иконой Софии: лучится благодатью.

Но вот не менее значимая проекция этой глубинной работы: сам дух монастыря – организация его среды – творимая в нём вполне вещная, предметная красота. Творения Андрея Рублёва – тоже такая проекция. С икон и фресок художника на нас глядят преображённые люди. Предельное утончение нашей материальной природы! Божий замысел человека, искажённый грехопадением, восстанавливается в своей чистоте.

Дар любви всемерно содействует этому высветлению. Очень красиво он себя выражает в узах братства, связующих святых – весьма значим для православия феномен *священных двоиц*: когда один святой неотделим от другого. Потому и почитаются они совместно. Пётр и Павел, Косма и Дамиан, Кирилл и Мефодий, Борис и Глеб, Антоний и Феодосий, Сергей и Никон, Зосима и Савватий: что ни пример – то дивное созвучье. Архимандрит Макарий (Веретенников) (1995) считает, что в этот ряд надо ввести ещё одну пару: преподобного Александра Свирского и святителя Макария Московского.

Приведём некоторые даты.

В 1526–1542 гг. Макарий был архиепископом Новгородским и Псковским. Александро-Свирский монастырь находится в его подчинении. Владыка благоволил игумену. Между ними устанавливается сердечное взаимопонимание.

1526 г. Архиепископ, только что прошедший интронизацию, освящает новый Троицкий собор в подопечной ему обители – теперь это не деревянное, а каменное сооружение.

1560 г. Макарий – уже митрополит – освящает церковь Александра Свирского, входящую в состав собора Покрова на Рву.

Сопоставим две эти даты – два этих освящения: между ними совсем небольшой промежуток времени. Сколь же стремительно растёт слава свирского чудотворца!

Святой преставился в 1533 г. В 1545 г. по почину Макария игумен Иродион Кочнев пишет его житие. В этом же году в Иосифо-Волоцком монастыре – Макарий был верным последователем его основателя – появляется первое иконописное изображение святого.

1547 г. – Александр Свирский канонизирован. В период с 1547 по 1555 г. для кремлёвского Успенского собора создаётся большой – 1313×1768 – образ Александра

Свирского. В нём 129 клейм. Три из них посвящены явлению Троицы. В иконографию – с её устойчивыми вековыми традициями – вводится новый сюжет. Когда бы это произошло во времена Феофана Грека! Золотой век русской иконописи был уже позади. В ней назревали кризисные явления, вызванные прежде всего тем, что через Псков и Новгород стали просачиваться западные влияния, расшатывавшие канонические установления.

Чудо Александра Свирского – в его преломлении иконописью – не привело к появлению шедевров. Тем не менее, освоение этой темы крайне интересно в аспекте наметившегося тогда эволюционного перелома, расколовшего иконографов на два лагеря – ревнителей старины и сторонников модернизации.

Два явления Святой Троицы: Аврааму и Александру. Различие между ними разительно: первое – буднично, второе – чрезвычайно. Следует признать: наша иконография по сути нивелирует эмоциональные уровни этих событий. Практически мы не замечаем резкого перепада между ними. Да, Александр рухнул на колени – и первый ангел упредительно помогает ему подняться: сейчас всё войдёт в норму.

Зададим чисто спекулятивный вопрос: как бы этот сюжет переработало барокко? Можно попытаться вообразить соответствующую чуду экспрессию письма – с массой внешних эффeктов, экзальтацией в позах и т.п.

Однако на Руси мы не наблюдаем даже самых робких поисков в этом направлении. Как смело русская иконопись развивала тему огненного восхождения пророка Ильи! Здесь нет ничего подобного. Почему?

Частичный ответ мы найдём в прениях между митрополитом Макарием и дьяком Иваном Висковатым на соборе 1553-1554 гг. – противоборствующие стороны задели самые сокровенные, воистину сущностные проблемы иконописи.

Вот чёткие дихотомии, восходящие к Иоанну Дамаскину – от них в своём философствовании отталкивается Иван Висковатый: «созданное и несозданное, видимое и невидимое, страдалное и нестрадалное, описанное и неописанное» (Розыск..., 1858. С. 4). Предметом иконописи должны быть лишь первые части данных оппозиций. Антитезы к ним табуируются. *Саваоф, София, Святая Троица, ангельский мир*: в глазах дьяка вся эта тематика была сомнительной.

Митрополит Макарий резко возражал против такого ограничения иконописи. В отличие от архиепископа Геннадия – москвича, некогда занявшего новгородскую кафедру и насаждавшего на ней столичный консерватизм – он более терпимо относился к подвижкам в развитии иконного письма, которые предопределялись отнюдь не рабочим, но всё же несомненным усвоением уроков Запада. Такое было при Макарии: московские иконописцы подчас оставались без работы – митрополит покровительствовал Пскову и Новгороду. Приглашённые оттуда мастера писали иконы для Благовещенского собора в Кремле, пострадавшего в 1547 г. от пожара – старое и новое сильно разнилось. Это было: *икона-молитва*. Это стало: *икона-размышление*. Существенное преобразование!

Меняется сам характер иконописи – теперь она больше взывает не к первичному религиозному чувству, а скорее к *ratio*. Задача достоверного следования первообразу теряет силу императива. Наоборот: расширяется и обогащается символизм – на его языке иконографы всё смелее говорят как раз о *несозданном, невидимом, нестрадалном, неописанном*.

Митрополит Макарий в целом поддерживает эти перемены. Хотя в радикализме его никак нельзя заподозрить. Ясно, что покровитель Александра Свирского не вспоминает про явление Святой Троицы на Свири, когда даёт иконописцу вполне обычное предписание: «*божественным существом невидима, и не описуется, и не воображается, а как явися святому Аврааму мужеским зраком, в трёх лицах по человечеству,*

так живописцы на святых иконах в трёх лицах с крылы пишут по ангийскому образу» (Розыск..., 1858. С. 22).

Сам имевший уверенный навык в иконописании, Макарий вряд ли оставил без своих советов написание образа Александра Свирского для Успенского собора – может, где-то и лично приложил намётанную руку. Но вот житие – а вот образ: при трансляции от первого ко второму теряется светоносность события. Где белые одежды ангелов? Где превосхождение Солнца их ликами?

Изобразительный арсенал для передачи высших реалий имелся. Но церковная живопись всё отчётливей вступала в стадию специфического *заземления* – натурализм начал брать верх над мистицизмом. Тускнела палитра. Условно-плоскостное переходило в реально-объёмное.

Задумывались ли тогда о возможности раскрыть и передать исихастскую коннотацию свирской теофании? Клейма, посвящённые явлению Святой Троицы, выделяются из общего фона колористически: бросается в глаза яркая киноварь. Но это всё. Задним числом почему-то ожидаешь большего. При всей своей субъективности, наши наблюдения отражают серьёзные метаморфозы в духовном развитии Руси. Скоро среди иконников утвердится парадигма Симона Ушакова. А исихастская линия прервётся вплоть до Паисия Величковского.

Вот классический исихазм – то, что исповедовалось Александром Свирским: *«если в то же время ума твоего не будут обымать духовные созерцания просветительного ведения и познания сущего, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе, в истинной, всецело любовью дышащей, молитве, к родственным ему светам вышних невестественных чинов, а от них, сколько доступно, к великому возносился бы свету, к тресолнечной Богоначальной Троице»* (Добротолюбие, 1900. С. 389).

Нечто очень близкое этим словам преподобного Феогноста – чуть ли не их парафраз – мы находим в акафисте Александру Свирскому: *«Радуйся, причастниче огнезрачного Трисолнечного сияния»* (Акафист..., 1876. С.29). Три Солнца над Рощенским озером! Далеко распространялись их лучи.

В 1518 г. Александр Свирский – по внушённому свыше наитию – отправил инок Никифора в Новоезерский монастырь на встречу со старцем Кириллом. Вот как завершилось их общение: *«Оному же преподобному Кириллу проводившу старца в лодницы в мале и отпустившу его с миром и на том месте преподобный Кирилл постави крест, идеже видеши свет велий осия их»* (Игумен Макарий..., 1982. С. 324).

Этот свет велий сохранял свою силу и после кончины святого. Игумен Иродион Кочнев, автор его первого жития, оставил ещё и такой текст: *«Сказание о явлении преподобного отца нашего Александра Свирского Чюдотворца и иже с ним во святых отца нашего Макария Митрополита Московского и всеа Росии, како приидоша церковь свящати святого Николы»*. Вот как автор описывает своё видение: *«абие явися внезапно в оконце келлии свет велий сияющ. Аз же воспрянух, и преклонихся ко оконцу, видети хотя: и видех лучу некую велию сиящу по всему монастырю, и от церкви святых Богоматере честнаго ея Покрова видех грядуща преподобнаго отца Александра по монастырю круг церкви Святых Троицы»* (Житие..., 1888. С. 152-153).

Сильное впечатление производит на нас то обстоятельство, что почивший Александр Свирский является в неглаголемом свете вместе со здравствующим митрополитом Макарием – пространство-время видения никак не соотносится с физической реальностью.

Священная бинарность – заимствуем этот термин у архимандрита Макария (Ветреникова) – заявляет себя поверх всех разделений дольного мира.

Четырёхчастная икона Благовещенского собора Московского Кремля. Включает сюжет «Сопрестоліе».

6. Ивана Висковатого смущало изображение Святого Духа «в птичьем незнаеме образе» (Успенский, 1996. С. 254). Мы находим его в *Новозаветной Троице*. Сюжет известен и под названием *Сопрестоліе*. Впервые он встречается в известной четырёхчастной иконе из Благовещенского собора («И почи Бог в день седьмый», «Приидите, Трисоставному Божеству поклонимся», «Во гробе плотски», «Единородный Сыне и Слове Божий»). По заказу протопopa Сильвестра – а это был ближайший сотрудник митрополита Макария – её написали псковские мастера.

Самый западный город Руси не был экранирован от культурной жизни Европы. Иван Висковатый в этой его открытости видел угрозу для чистоты православного мышления. Вот оценка, данная дьяком иконе псковичей: «латинские ереси мудрование» (Успенский, 1996. С. 259). Спустя три века абсолютно схожие упрёки услышит К.П. Брюллов. Тот же Л.А. Успенский прямо назовёт его «римокатоликом» (Успенский, 1996. С. 371).

В 1840 г. Карл Павлович создаст храмовый образ для Троицкого собора в Троице-Сергиевой пустыне. Заказчиком выступит святитель Игнатий Брянчанинов. Это будет *Новозаветная Троица* – наследница иконы, оказавшейся в центре дискуссий на соборе 1553-1554 г. Митрополита Макария и Игнатия Брянчанинова сближает определённая толерантность по отношению к новым веяниям в искусстве. Оба любили икону древнюю, каноническую. Однако будто чувствовали: нельзя силой запрета воспрепятствовать изнутри обусловленному развитию искусства. Даже если это развитие хотелось бы направить по другому руслу! Если не остановить вовсе – на пике достигнутого совершенства.

К.П. Брюллов. *Сопрестоліе*. Троицкий собор. Троице-Сергиева пустынь.

Игнатий Брянчанинов пишет К.П. Брюллову о том, что нездоровье имело для него свой позитив: «религия вместе с тем обратилась для меня в поэ-

зию и держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении» (Святитель..., 2011. С. 594). В таком доверительном ключе можно писать только большому другу. Тёплые отношения связывали монаха-аскета и художника-гедониста.

Отдавая должное огромному дарованию К.П. Брюллова, настоятель Троице-Сергиевой пустыни нелицеприятно говорит о светском характере его религиозной живописи – относясь к ней терпимо, всё же отвергает её сердцем: «Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна быть картиною из вечности». И ещё: «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления» (Святитель..., 2011. С. 594).

Александрo-Свирский монастырь. Литография. Над ансамблем парит Святая Троица («Сопрестолie»).

Обратим внимание: в наших цитатах из Игнатия Брянчанинова дважды присутствует оппозиция *видимое – невидимое*. Она фигурирует и у Ивана Висковатого. Вокруг этого противоположения завязывается самая напряжённая – доселе не теряющая своей остроты – антиномия иконописания.

Вправе ли изограф писать *бесплотное*? Или только *воплотившийся* Бог – в чём был уверен Иван Висковатый – доступен изображению? Митрополит Макарий упрекал учёного дьяка в *галатской ереси*. Это фигура красноречия – такая ересь неизвестна.

Отталкиваясь от «Послания к галатам» апостола Павла, Макарий сближает Ивана Висковатого с иудео-христианами, которые категорически отказывались признать возможность и образного, и символического представления Бога. Похоже на *анофатику* в её эстетическом измерении! *Невещественно = невидимо = неизобразимо*.

Проблема решается разнообразно: от полной агностической капитуляции, отрицающей иконопись как заблуждение – до мажорной убеждённости в том, что на визуальный план всё-таки можно, хоть и с оговорённой толикой условности, вывести самое сокровенное.

О тотальности зрительного восприятия, характерной для платонизма, интересно рассуждал А.Ф. Лосев. Вспомним типичные для него выражения: *лик смысла – картина смысла – изваяние смысла*. Это ошибка: превращать идеи в абстрактные понятия – уводить их за черту восприятия. Глаз эллина видит *идеи*. Они суть *виды*. Поэтому являются предметом эстетического созерцания.

Православная мысль издревле тяготела к платонизму. Он процвёл и на русской почве. Вызовем в памяти «Афинскую школу» Рафаэля.

Платон, а не Аристотель! Это выбор Царьграда.

Аристотель, а не Платон! Это выбор Рима.

Митрополит Макарий рассуждает в духе царьградского предпочтения. Невидимый мир может быть проявлен. Причём двояко: и через *непосредственное* откровение – и через *опосредование* символа.

Думается, что учение Игнатия Брянчанинова о тонкой эфирности душ и ангелов, вызвавшее принципиальные возражения со стороны Феофана Затворника, несёт в себе интенции платонизма, глубоко органичные для русской культуры.

Покоряет своей деликатностью – при остроте разногласия – спор двух святителей, в чём-то изоморфный спору митрополита Макария и дьяка Ивана Висковатого.

Неявное Игнатий Брянчанинов хочет максимально приблизить к явному. Феофан Затворник пытается умерить его порыв. Вот резюме их значительнейшего диалога.

Феофан Затворник – письмо от 28.05. 1865: «С веществом, как его ни утончайте, духовные явления совсем не вяжутся» (Святитель, 2011. С. 159).

Игнатий Брянчанинов – ответ от 4.06. 1865: «В собственном – неведественен один необъемлемый пространством – Бог» (Святитель, 2011. С. 260).

Кто прав в споре? Думается, что перед нами пример дополнительности – две позиции отражают противоположные грани единой истины.

В письме Н.И. Флоринскому (1869 г.) Феофан Затворник идёт на некоторый компромисс, относя соображения Игнатия Брянчанинова к феноменальной выраженности естества: «Допустив оболочку – тонкую эфирную, получит форму и останется доволен» (Святитель, 2011. С. 263). Однако эта трактовка лишь укрепляет его в главном убеждении: «Если неведественная Красота устроила душу по образу Своему, то, конечно, и душа неведественна: ибо иначе как она будет по Её образу?» (Святитель, 1997 С. 94). Заметим, что *форма* – понятие аристотелевское. Но мы знаем: оно близко платоновой идее – здесь философские системы учителя и ученика по сути конвергируют.

7. Все три иконографических типа Святой Троицы – *Ветхозаветная*, *Сопрестоллие*, *Отечество* – говорят о Боге на языке символизма. И говорят по существу! Основополагающая мысль о нераздельности и неслиянности ипостасей передаётся весьма убедительно. Какая композиция приоритетна? Несхожие формально, они едины содержательно.

На старинной литографии показано: среди образов, проступивших в небе над Александро-Свирским монастырём, первенствует *Сопрестоллие*. Открылась ли эта картина Дмитрию Брянчанинову? Бытие он воспринимал двупланово: в сопряжении видимого и невидимого.

Предрасположенность к символическому мировосприятию обнаруживается в душевном отклике юноши на северную весну. Впечатления были усилены на следующий год – Дмитрий встречал Пасху уже в Площанской пустыни. Обновление природы он воспринял символически – как предвозвестие неминуемого одоления смерти.

Свои впечатления Дмитрий закрепил в двух эссе – «Сад зимой» и «Древо зимой пред окном келлии». Читаем в первом из них: «Какое же учение прочитал я в саду? — Учение о воскресении мёртвых, учение сильное, учение изображением действия, подобно воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весною, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным» (Святитель, 1993. С. 177).

Александро-Свирский монастырь сам по себе исполнен глубокого символизма. Два его комплекса – Преображенский и Троицкий – будто парное созвучье: они полногласно рифмуют друг с другом два воспламенения, раздвинутых во времени: то, что случилось на Фаворе – и то, которое прославило Свирь.

Звонница Александрo-Свирского монастыря.

Трёхшатровая звонница монастыря естественно входит в круг тринитарных ассоциаций. Построенная в 1646–1648 гг., она имела другое завершение, утраченное во времена разора. Это появилось в результате реставрации 1969–1976 гг. Упрекнём архитектора А.И. Милорадовича в вольности? Но вот аргументы в его поддержку:

– деревянная звонница, предшествовавшая каменной, действительно была многошатровой – предложенным решением как бы восстанавливается преемственность между разными этапами в эволюции ансамбля;

– для времени, когда возводилась звонница, трёхшатровые храмы были широко распространённым явлением – Н.Ф. Гуляницкий (1984) правомерно усматривает в них архитектурную *символизацию Троицы*.

Такой символ вполне уместен в Александрo-Свирском монастыре. Красота обители всегда была особым попечением на Руси. Внутренний мир настоятеля – и его отражение в образах зодчества: это большая тема. Игнатий Малышев, воспитанник и воспитанник Игнатия Брянчанинова, вдохновлялся в своём видении храма Спаса на Крови творением Бармы и Постника.

Храм Спаса на Крови в первоначальном проекте Игнатия Малышева.

К этим легендарным именам правомерно добавить имя митрополита Макария. За ним была инициатива – он осуществлял строгий надзор – в жизнь воплощалась его эстетика.

Стиль архитектурный – и стиль литературный: взаимно-однозначное соответствие тут невозможно. Но ассоциативные сближения могут иметь эвристическую ценность. Макарий создал особую школу письма – специалисты при её анализе совмещают два эпитета: *торжественный* и *витиеватый*. Пишут: *торжественно-витиеватый*

(Дробленкова, 1989). Фактически оксюморон! А ведь он очень хорошо схватывает характер Покрова на Рву: его монументальность – и затейливость, величие – и причудливость.

Оба храма – и московский, и петербургский – вторят горнему Иерусалиму. Но дают ему русское наполнение. Архитектурный облик Валаама – в своих самых главных и существенных чертах – всецело предопределён эстетическим вкусом Игнатия Брянчанинова. Его проект! Правда, при жизни до конца неосуществлённый – однако развивавшийся после кончины святителя в духе идеала, принятого им.

Архипелаг оставил неизгладимый след в душе Игнатия Брянчанинова. В письме к игумену Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскину от 25 сентября 1855 г. святитель признаётся: «Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину пустынь» (Святитель..., 2011. С. 196). А вот что 12 июля 1847 г. из новгородского Юрьева монастыря Игнатий Брянчанинов пишет в родную Сергиеву пустынь – архимандриту Игнатию Васильеву: «С колокольни посмотрел на Новгород и его окрестности.

Здесь тихо отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валааме» (Святитель..., 2011. С. 298).

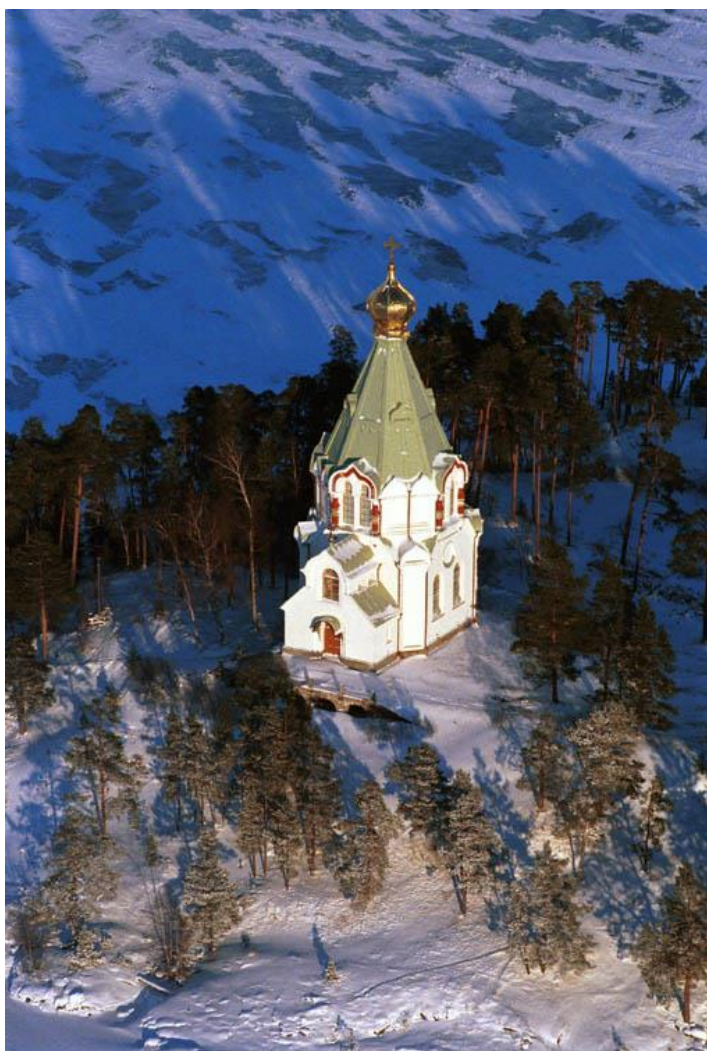
Поэтичен и философичен очерк святителя «Валаамский монастырь» (1847). Хочется в нём обратить внимание на следующие детали:

– сказано, что Александр Свирский безмолвствовал на Святом острове – читателю напоминают о его связи с исихазмом;

– перечисление рукописных книг монастырской библиотеки открывается именем Григория Паламы;

– подчёркнут универсализм Валаама – он сочетает все виды монашеской жизни: пустыничество – скитничество – общежитие.

Для осуществления своих архитектурных замыслов на Валааме святитель привлёк Алексея Максимовича Горностаева (1808 –1862). Потом зодчий проектировал для Троице-Сергиевой пустыни. Два сакральных топоса обрели благодаря его таланту совершенно особые, сразу узнаваемые обертона. Горностаевское!

А.М. Горностаев. Никольский скит.

И.И. Горностаев. Крест на могиле А.М. Горностаева. Троице-Сергиева пустынь.

Это умение приводить в тесное взаимодействие небесное и земное – дар превращать их в сообщающиеся сосуды. Вариант *русского стиля*, созданный мастером, отмечен глубоким освоением национальных архетипов – зодчий вдохновлялся северной вышивкой, резьбой по дереву, книжным орнаментом.

Могилу А.М. Горностаева в Троице-Сергиевой пустыни увенчивает прекрасный белокаменный крест. На нём изображены основные постройки зодчего. Автор памятника – племянник Алексея Максимовича: Иван Иванович Горностаев (1821–1874). Вот

кто досконально знал русскую старину! Его художественно-исторические разыскания несут на себе печать высочайшего профессионализма.

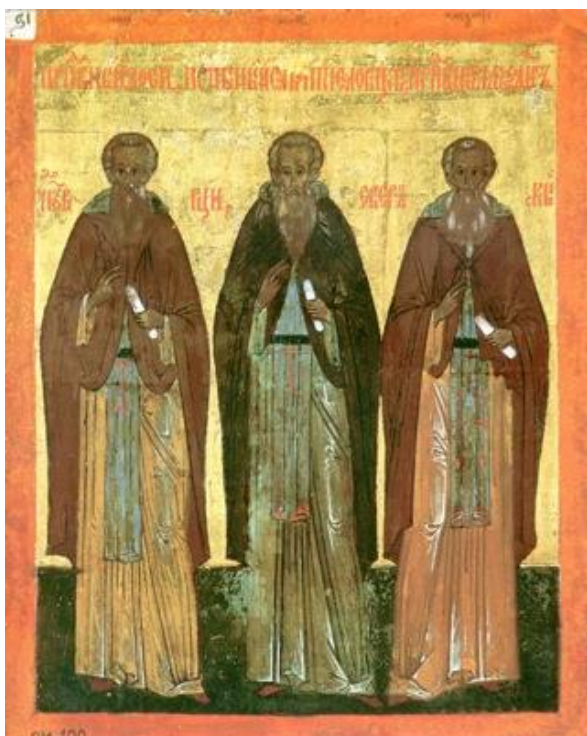

И.И. Горностаев. Собор Иверской Богоматери. Николо-Бабаевский монастырь.

Игнатий Брянчанинов предложил И.И. Горностаеву спроектировать для Николо-Бабаевского монастыря собор в честь Иверской иконы Божией Матери (1865–1877). Конечно же, зодчий чутко вторил – и при этом не поступался своей самобытностью – тому эйдосу храма, который прорисовался в душе святителя. Это был унисон двух душ. Быть может, подобный тому, кото-

рый некогда соединил митрополита Макария с Бармой и Постником – искусство вдохновлялось верой.

Покров на Рву – и Сергиева церковь, Спас на Крови – и Иверский собор: это очень разные сооружения, но всё-таки создаётся ощущение, что они находятся в одном формотворческом поле. Что питает его? Вселенская *русскость* – с её следованием жесту Платона: восходить к высшему – горнему – вечному – совершенному – прекрасному.

Александр Свирский и преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. 2-я пол. XVI в. ГВСМЗ.

Список использованной литературы

Акафист преподобному и богоносному Александру игумену, Свирскому чудотворцу. СПб., 1876. С. 29.

Гуляницкий Н.Ф. Освободительные идеи Руси в образах памятников архитектуры XVI - первой половины XVII веков // Архитектурное наследство. 1984. № 32. С. 46.

Добротолубие. Т. III. М.: Типолитография И. Ефимова, 1900. 440 с.

Добротолубие. Т. V. М.: Типолитография И. Ефимова, 1900. 482 с.

Дробленкова Н.Ф. Макарий, митрополит Московский и вся Руси // Словарь

книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Часть 2. Л., 1989. С. 85.

Житие, чудеса и служба преподобного и богоносного отца нашего Александра, Свирского Чудотворца. Изд. 3. М., 1888. С. 152-153.

Игумен Макарий (Веретенников). Преподобный Александр Свирский “новый чудотворец” — русский подвижник XVI века. Т. 23. М., 1982. С. 324–329.

Макарий (Веретенников), архимандрит. Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий, Митрополит Московский // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1995. № 1 (4). С. 135-144.

Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон Диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 // "Материалы Славянские", Чтения в имп. обществе истории и древностей российских 1858 г. II. С. 4.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. II. Аскетические опыты. Изд-во "Правило веры", 1993. 412 с.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. V. Приношение современному монашеству. М.: Свято-Троиц. Сергеева Лавра, 1993. 464 с.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание писем. Том I. М.: Сретенский монастырь, 2011. 2011 с.

Святитель Феофан Затворник. Душа и ангел. М.: «Талан», 1997. 94 с.

Соколов Л. Святитель Игнатий. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. М.: Сретенский монастырь, 2003. 1140 с.

Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: Изд-во «Мысль», 1996. 827 с.

Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914. 812 с.

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор техн. наук Р.Н. Ковалев.